

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Инициатическая структура мытарств

Гранин Роман Сергеевич

Аспирант

Институт философии РАН, Отдел аксиологии и философской антропологии,

Москва, Россия

E-mail: grrom@mail.ru

Сказания о посмертной судьбе человеческой души распространились по Древней Руси с XI–XII вв. Это были переводные византийские апокрифы, особое место среди которых занимал фрагмент из византийского «Жития Василия Нового» (X в.) – «Хождение Феодоры по [воздушным] мытарствам», распространявшийся как отдельное произведение. Текст «Хождения. . .» опирается на учение о мытарствах, содержащееся уже в произведениях церковных писателей IV–V вв. – Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Макария Великого, Кирилла Александрийского и др. [3]. В рассказе повествуется о процессе умирания блаженной Феодоры и о прохождении ею двадцати мытарств. Универсальность присутствующих в нем образов отмечалась многими мыслителями, например, Сергием Булгаковым, говорившем о существовании особой «подземной» связи между православием в христианстве и египетским благочестием в язычестве. Он писал, что образы мытарств навеяны чуть ли не напрямую «Египетской книгой мертвых» [1]. Так после смерти, в первые два дня, душа наслаждается относительной свободой. В третий день ангелы берут умершую и восходят по воздуху на восток, поднимаясь к небу, проходя двадцать мытарств (в некоторых преданиях двадцать одно или сорок) [3]. На греховность испытывают мытари,хождение которых напоминает Суд Осириса, на котором душа клянется в несовершенности греховных действий (отрицательная исповедь) перед сорока двумя соответствующими богами.

В описании Феодоры процесса своей смерти присутствуют также образы, воспроизводящие собой структуру шаманской инициации. Феодора сообщает: «Смерть подошла ко мне, взяла малый оскорд [секиру] и прежде всего отсекала мне ноги, потом руки, затем постепенно другими орудиями отсекала прочие члены мои, отделяя состав от состава, и все тело мое омертвело. Затем, взявши телу, она отсекала мне голову, и она сделалась для меня как бы чужая, ибо я не могла ею повернуть. После этого смерть сделала в чаше какое-то питье и, поднеся к моим устам, насильно напоила меня. Питье это было так горько, что душа моя не могла этого вынести – она содрогнулась и выскочила из тела, как бы насильно вырванная из него» [Рассказ блаженной Феодоры о мытарствах, 1995. С. 253-254]. Данное описание почти дословно воспроизводится в якутском посвящении в шаманы, приводимом Мирчей Элиаде: «<иницируемый> переживает ритуальную смерть как сошествие в Преисподнюю, во сне он наблюдает за процедурой расчленения собственного тела, видит, как демоны отделяют его голову от тела, вырывают его глаза и т.д. Согласно верованиям якутов, демоны переносят будущего шамана в Преисподнюю и три года держат его взаперти. Там он переживает свое посвящение: духи отрезают ему голову и кладут рядом с его телом (новиций должен воочию наблюдать за этой процедурой), режут его самого на мелкие кусочки, которые раздают духам всевозможных болезней. <...> Далее его кости покрывают свежей плотью, а бывает – и обновляют кровь» [Элиаде, 2009. С. 23].

Инициация (символическая смерть) происходит в некоей сакральной реальности, с отличными от профанного пространства-времени свойствами. В этом смысле жестокость описания ритуальной смерти можно интерпретировать как стилистический прием, призванный подчеркнуть радикальность происходящей при этом трансформации личности, осуществляющей переход от одного модуса реальности к другому. Фундаментальная оппозиция профанного и сакрального выражается также в несовпадении их пространственно-временных метрик. Так структура посмертного бытия задается двадцатью мытарствами, отображаемыми на земном плане сорока днями, которые, однако, не имеют с ними явной корреляции. Несводимость двух метрик «земного» и «небесного» можно видеть в эсхатологической парадигме «Тибетской книги мертвых», где сказано, что для умершего, находящегося в бардо (промежуточном состоянии между смертью и новым воплощением), сама сансара обернется вспять, т.е. время будет течь в обратном (мнимом) направлении [Гранин, 2011. С. 56–57].

Далее рассмотрим, присутствующую и в эсхатологическом сюжете мытарств, и в инициатической структуре посвящения, символику восхождения. В отдельных уголках России на сороковой день после смерти близкие покойного пекут длинную пшеничную лепешку с поперечными перекладинами по числу мытарств – «лесенку». Считалось, что ее поедание помогает душе усопшего восходить за гробом по духовной «лестнице», преодолевая ступени мытарств» [3]. В некоторых народных вариантах мытарств существует версия (которая сообщалась побывавшими в загробном мире «обмиравшими») что душам умерших приходится взбираться на огромную гору, на которой бесы устроили свои мытарства. Могут подняться по ней только те, у кого есть ногти [3]. Сценарий восхождения на гору приводит также Мирча Элиаде в описании посвящения в шаманы: «У якутов учитель берет душу ученика в долгое экстатическое путешествие, которое начинается с восхождения на гору». Далее он пишет: «Ритуал инициации у бурятов <...> развивается согласно сценарию восхождения. Внутри юрты укрепляют толстое березовое дерево, корни которого уходят в очаг, а верхушка упирается в дымовое отверстие крыши и выходит из него наружу. Береза носит название “страж ворот”, так как она открывает шаману путь на Небо. Ученик забирается на верхушку березы, выходит наружу через дымовое отверстие и громким голосом зовет на помощь богов» [Элиаде, 2009. С. 24].

Из вышеприведенных сопоставлений видно, что эсхатологическая и инициатическая концепции имеют ряд структурных соответствий. Наиболее общим из них является символ восхождения, представленный архетипом мирового дерева (гора, лестница, дерево, веревка), символизирующего собой мировую ось, соединяющую профанное и сакральное. Признаком эсхатологического перехода между ними, происходящего в процессе инициатической трансформации личности, является инверсия хода времени.

Литература

1. Булгаков С.Н. Православная эсхатология // Православие: Очерки учения православной церкви. М.: Терра, 1991. С. 380–390.
2. Гранин Р.С. Структура эсхатологической парадигмы «Тибетской книги мертвых» // Вестник Московского университета. 2011, Серия 7, Философия, 4. С. 51–69.

3. Грибов Ю.А., Михайлова М.Б., Пигин А.В., Семаков В.В. Из «Жития Василия Нового»: Хождение Феодоры по воздушным мытарствам. Электронный ресурс. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5134> (дата обращения: 17.02.2012);
4. Рассказ блаженной Феодоры о мытарствах // Роуз С. Душа после смерти. СПб.: Царское дело, 1995. С. 251–270.
5. Элиаде М. История веры и религиозных идей: От Магомета до реформации / Пер. с фр. М.: Академический Проект, 2009. – 463 с.